

Семнадцать потоков демонической ци опутали его дантянь, разъедая золотой пилюлю. Если это продолжится, не только пилюля будет разрушена, но и жизнь окажется под угрозой. Цзинь Гуанъяо, не раздумывая, начал контролировать свою демоническую ци, чтобы поглотить их один за другим. Прошло некоторое время, и он смог поглотить только шесть. Осталось еще одиннадцать. Каждая минута, проведенная этими потоками в теле Цзинь Лина, увеличивала опасность для его жизни.

В темноте раздался голос:

— Хех, ты действительно благороден.

Цзинь Гуанъяо остановился, прекратив усилие.

— Шэнь Цзинь.

— Се Вэньяо, почему ты не проявишь благородства ко мне?

— Я ничего не делал.

Услышав это, Шэнь Цзинь взорвался гневом:

— Ты еще пытаешься оправдываться! Се Вэньяо, я считал тебя своим другом, а ты? Кем ты меня считал?

Волна жестокой ярости обрушилась на них. Цзинь Гуанъяо в ужасе прикрыл Цзинь Лина своим телом. — Пфф, — он неожиданно выплюнул кровь. Человек в его объятиях едва заметно сморщился.

— Что Цзинь Гуанъяо сделал с тобой?

— Хех, хочешь услышать мою печальную историю?

— Я просто хочу знать, что он сделал.

— Хорошо, Се Вэньяо. Знаешь ли ты, что пять лет назад я пытался отомстить тем двенадцати, но был побежден и тяжело ранен. Я лежал, как умирающая собака, ожидая милости. Когда я думал, что умру, я встретил ее. Она взяла меня с собой, не спрашивая, почему я так сильно ранен, просто заботливо лечила меня. Позже я узнал, что она из клана Цзинь, ее звали Цзинь Сюэлянь, она была из боковой ветви клана. Она была доброй, нежной, щедрой, сильной. Она ухаживала за мной три месяца, пока я не пошел на поправку. Я не осмелился рассказать ей свою истинную личность, сказав, что я странствующий практикующий, раненый на ночной охоте. Позже я перестал думать о мести. Я хотел проводить с ней дни, любясь природой, пить чай и наслаждаться цветами. Хех.

Шэнь Цзинь внезапно засмеялся, но смех был полон горечи.

— Но однажды люди из клана Цзинь пришли, обвинив меня в краже их сокровища, и потребовали его вернуть. Они были агрессивны. Я сбежал с Сюэлянь, остановившись в маленькой деревне. После этого я тайно следил за кланом Цзинь, готовый бежать при первой же угрозе.

Цзинь Гуаньяо задумался:

— Хунлянь — твой человек?

— Да, она сестра Сюэлянь. В то время мы передавали информацию через нее. Люди из клана Цзинь обвиняли меня в краже их сокровища, но я даже не ступал на их территорию. Что я мог украсть? Это был лишь предлог. Они хотели твоего.

Цзинь Гуаньяо напрягся.

— Я женился на Сюэлянь, и вскоре она забеременела. Я бросил все, хотел просто жить с ней в деревне, провести остаток жизни в покое. Хунлянь почти год не передавала новостей о клане Цзинь, и я подумал, что все закончилось. Но неизбежное наступило.

— Люди из клана Цзинь нашли тебя?

— Да, через месяц после рождения ребенка. В тот день она, как обычно, готовила, стирала, а я работал в поле, рубил дрова. После еды я почувствовал головокружение и потерял сознание. Когда я очнулся, Хунлянь сидела у моей кровати с красными от слез глазами. Я уже не был дома. Я вынудил ее рассказать правду. Она сказала, что однажды взяла ребенка и вернулась в клан Цзинь, чтобы умолять их оставить меня в покое. Я тут же отправился с Хунлянь в клан Цзинь, чтобы спасти их. Когда я прибыл, я увидел, как глава боковой ветви клана допрашивал ее. Но она повторила только одно слово: «Не знаю».

— В этот момент появился настоящий глава клана Цзинь, Цзинь Гуаньяо. В моем сердце появилась надежда. Все говорили, что Ляньфан-цзунь спасет ее. Он увидел ее, она умоляла о помощи. Он спросил, что происходит. Глава боковой ветви сказал, что это внутреннее дело клана. Я видел, что тот боялся его. Одного его слова было бы достаточно, чтобы отпустить Сюэлянь. Но он лишь мельком взглянул на нее, с безразличием, как будто это не имело к нему никакого отношения. Он не проявил ни капли милосердия, спокойно ушел. Смотря на его удаляющуюся фигуру, Сюэлянь потеряла последнюю надежду на спасение. Звуки ударов плетью разносились по двору. Как мог великий Сяньду не слышать этого? Но он не обернулся ни разу.

— С этого момента я понял, что Ляньфан-цзунь — всего лишь лицемер. После его ухода глава боковой ветви стал еще более жестоким. Они привели ребенка, чтобы заставить Сюэлянь выдать меня. Она продолжала говорить: «Не знаю». Они закопали ребенка заживо у нее на глазах. Это был ребенок, которому был всего месяц. Он громко плакал, но она не обращала

внимания. Ее сердце было действительно жестоким. Груды земли падали на него, плач становился все тише, пока не стих совсем. Она все повторяла: «Не знаю». Глава боковой ветви, казалось, придумал что-то еще, но Сюэлянь, воспользовавшись моментом, выхватила меч у стоящего рядом и перерезала себе горло.

Цзинь Гуанъяо почувствовал острую боль в сердце. Шэнь Цзинь поднял взгляд на Цзинь Гуанъяо. Он был спокоен, слишком спокоен.

— Что с тобой было тогда?

Шэнь Цзинь горько усмехнулся:

— Хе-хе-хе, Сюэлянь, боясь, что я вернусь за ней, подмешала мне яд. Моя духовная сила рассеялась, и я не мог восстановить ее как минимум месяц.

Цзинь Гуанъяо тихо сказал:

— Прости.

Шэнь Цзинь ответил:

— Это бесполезно. В этом мире нет слов более бесполезных, чем эти три.

— Пятнадцать тел у озера Чистого Сердца: двенадцать — те, кто убил твоего отца и сестру, а еще три — из клана Цзинь.

— Верно, ты все так же умен. От тебя ничего не скроешь.

В этот момент снаружи пещеры раздался голос.

— Человек в черном, отпусти Цзинь Лина!

Это был Цзян Чэн.

Снаружи пещеры Цзян Чэн держал Цзыдянь, духовная сила обвивала кнут. Его лицо было наполнено злобой.

Шэнь Цзинь, услышав это, не удивился, а лишь спокойно обернулся к Цзинь Гуанъяо:

— Не переживай, твой патриарх Лань тоже снаружи.

Цзинь Гуанъяо почувствовал неладное.

— Что ты имеешь в виду?

— Я ждал их давно.

Цзинь Гуанъяо не понимал:

— Шэнь Цзинь, чего ты хочешь?

— Се Вэньяо, это, вероятно, наша последняя встреча.

Цзинь Гуанъяо не успел осознать смысл его слов, как Шэнь Цзинь выхватил меч и выпрыгнул из пещеры.

Снаружи были Цзян Чэн и Лань Сичэнь. Даже один Лань Сичэнь был сильнее его, не говоря уже о двоих вместе. Шэнь Цзинь не стал тратить времени на слова, сразу же атаковал их. Цзян Чэн владел Цзыдянь, как змеей, кнут хлестал по жизненно важным точкам безжалостно. Лань Сичэнь быстро вращал Шоюэ в руках, создавая лишь размытые следы.

Цзинь Гуанъяо, услышав шум битвы, не стал медлить. Подняв Цзинь Лина, он выпрыгнул из пещеры. Выйдя наружу, он увидел Шэнь Цзиня, покрытого ранами, лицо его было в крови.

Шэнь Цзинь, услышав шум, обернулся и увидел Цзинь Гуанъяо с Цзинь Лином. Он мгновенно изменил направление, ударив мечом в сторону Цзинь Гуанъяо. Лань Сичэнь крикнул:

— А Яо, осторожно!

Цзинь Гуанъяо, услышав предупреждение, вздрогнул, не успев обернуться, выхватил меч Синчжуй и ударил позади себя. Он услышал звук меча, вонзающегося в плоть, и стон. Обернувшись, он увидел, что его меч пронзил грудь Шэнь Цзиня, пройдя насквозь. Меч Шэнь Цзиня прошел мимо, срезав прядь его волос. Шэнь Цзинь выплюнул кровь, с трудом улыбнувшись.

— Шэнь Цзинь!

С громким звуком меч Шэнь Цзиня упал на землю. Его тело потеряло силу, и он безвольно опустился на колени, но улыбка не исчезала с его лица.

Цзинь Гуанъяо, дрожа, отпустил меч, не веря своим глазам.

— Почему? Почему ты не убил меня?